

Йонатан Видгоп – режиссер, писатель и сценарист, основатель Института науки, культуры и наследия еврейского народа «Am haZikaron». Лауреат премии «Zeiti Yerushalaim», был награжден медалью «За вклад в развитие национального духовного наследия еврейского народа». Автор нескольких книг, от философских до художественных, в основном в жанре магического реализма. Переводы рассказов были опубликованы в журналах 28 стран мира, среди которых The Los Angeles Review и Pembroke Magazine. В 2022 году получил ежегодный приз журнала «Meridian» Университета Вирджинии в категории «Проза» за рассказ «Nomads».

Йонатан ВИДГОП
(Израиль)

ЖИЗНЬ ТВОРЦА

Они думают, что я художник. Удивительно, ведь я никогда не умел рисовать. Почему же они уверены, что я живописец? Более того, какие-то почитатели моего таланта раскланиваются со мной на улице, а дебелие барышни и их мамы так и норовят со мной познакомиться. Может, они принимают меня за кого-то другого? Но нет, на моей двери ясно значится мое имя.

Мне кажется, я стал догадываться. Быть может, всё началось с глупой шутки. Знакомый зеленщик, пытаясь представить меня некоей даме, понизив голос и поведя в мою сторону глазами, с пафосом произнес: «Думаю, он знаменитый художник!» Дама даже вскрикнула от изумления. Поневоле мне пришлось принять гордый вид и спрятать лук со свеклой подальше от ее глаз – не подобает знаменитости самому возиться с зеленью. Уже тогда я заметил, как, перебежав на другую сторону улицы, дама эта, указывая на меня, что-то горячо поверяла своим товаркам.

Видимо, недаром говорят, что наш город – это сонмище слухов. Всего через несколько дней после неосторожной шутки зеленщика меня стали удостаивать приветствиями всякие важные персоны. Даже жена бургомистра, одернув за рукав свою дочь, построила мне глазки. Честно говоря, я не привык к такому вниманию. Теперь, куда бы я ни шел, на меня указывают пальцами и перешептываются. Тем более что и какой-то пустоголовый критик написал статью о знаменитом художнике, что живет в нашем городе совершенным инкогнито. Впрочем, в конце своего опуса он утверждал, что для истинных ценителей искусства это не более чем секрет Полишинеля.

После этой дурацкой статьи прямо на углу улицы на меня напали два репортера и потребовали немедленно дать им пространное интервью. Насилу я отбился от них. Но едва я взбежал по лестнице, как увидел, что с верхнего эта-

жа на меня устремилась стайка пожилых бойких искусствоведов. Одна из них, самая задорная, прижав меня к двери огромным бюстом и потрясая зонтиком, попыталась добиться моего признания в тайной приверженности к модернизму. Мне еле удалось увернуться и проскользнуть домой.

С каждым днем положение мое становилось всё более затруднительным. Я уже ненавидел этого проклятого зеленщика, который оказал мне столь медвежью услугу.

Я так устал от всего этого, что решил сдаться и специально для этих глупцов купить мольберт и краски. Пусть постоят у меня в гостиной – мне не жалко. Ну что еще должен сделать настоящий художник? Сегодня я отправился на блошинный рынок и нашел там широкую блузу и большой алый берет. Дома я перепачкал блузу разными красками, надел берет и посмотрел в зеркало. Что ж, я выглядел как заправский творец! Тогда я решил пойти до конца и переделал табличку на своей двери: теперь там значилось – Живописец. Пусть сплетники порадуются.

Осталось только что-нибудь нарисовать. Увы, именно этого я и не мог сделать. Я умел по-птичьи свистеть, умел выпиливать лобзиком, умел даже танцевать падекатр. Но главное, чего я не умел, это заставить карандаш или кисть изобразить хоть что-нибудь, похожее на рисунок.

Неожиданно для меня оказалось, что назойливые поклонники, выследив меня и заметив покупку красок, решили, что я начал писать новую картину. Толпой собрались они под моей дверью, скребясь об нее, бормоча и попискивая. Как ни старался я разогнать их, как ни кричал им: «Уходите, бездельники!», ничто не могло их отвадить. Они даже расположились на ночь на лестничной клетке и заснули, накрывшись ковриком у моей двери. Утром они проснулись раньше меня и начали барабанить в дверь. «Да уймитесь же вы, проныры!» – крикнул я им, приоткрыв дверь. Это было моей ошибкой: ловкими ящерицами протиснулись они в образовавшуюся щель, и не успел я оглянуться, как они с видом знатоков уже расселись вокруг пустого мольберта.

В дурацкое положение я попал. Нахалы, пробравшиеся ко мне, явно ожидали застать, как они выразились, «пиршество духа». Увы, я не мог подобное им обеспечить. При этом, сочтя ситуацию весьма нелепой, но по-своему комической, я решил, на радость простакам, сыграть свою роль до конца. С важным видом взял я кисть, окунул ее конец в краску и коснулся ею холста. На льняном полотне расплылось красное пятно. Что делать далее, я решительно не знал и потому, отступив на шаг от мольберта, попытался сообразить, как выкрутиться из конфузного положения.

Но именно в это время позади меня раздались бессвязные вскрики, охи, ахи и чуть ли не птичий гомон. Я не понял, чем вызвана такая реакция, но в этот момент распахнулась входная дверь, и уже знакомая мне ватага пожилых критиков ворвалась в квартиру. Узрев на моем холсте красную кляксу, они так и застыли с открытыми ртами, не в силах произнести что-либо членораздельное. Я же, замерев около мольберта, с минуту на минуту ждал позорного разоблачения. Но то, что случилось потом, по абсурдности своей превзошло самую нелепую фантазию. Предводительница критиков, устрашающе потрясая исполинским бюстом, вдруг заголосила не своим голосом, и на этот ее призыв с восторгом откликнулись опешившие соратники. «Браааво!» – закричала она. «Брависсимо!» – возопили хором искусствоведы. «Ура!» – выплеснулось многоголосье толпившихся за дверью почитателей.

Я был обескуражен. Еще долго бы длилось мое изумление, если бы предводительница не объяснила, что я совершил революцию в изобразительном искусстве, завершив его и поставив точку в буквальном и переносном смысле.

И если знаменитые Дюшан и Малевич открыли дверь в концептуальное искусство, то я ее с грохотом захлопнул. «Конец искусства!» – восторженно закричали искусствоведы и бросились писать критические статьи.

На следующий день все наши газеты вышли с огромными заголовками: «Смерть живописи!», «Гибельная точка», «Долой искусство!». С утра мой телефон звонил, не умолкая: за мою красную кляксу мне предлагали внушительные суммы. Это пришлось как нельзя кстати. Я был чрезвычайно стеснен в денежных средствах. Поэтому тут же согласился ее продать, а вырученные деньги наконец-то отдал занудному хозяину моей комнаты, уже неделю требующему оплаты. Я даже сумел расплатиться с торговцем из сырной лавки, которому задолжал за рокфор и бутылки шартреза. Часть денег я отправил своей безумной сестре, потратившей всё немногочисленное отцовское наследство на сбежавшего от нее любовника и пребывающей еще в большей нужде, чем я. На это, собственно, и ушел весь мой гонорар. Деньги кончились. Что делать далее, я не знал.

Но именно в тот момент, когда я раздумывал над странностью моей жизни и неопределенностью будущего, мне пришла в голову простая, но счастливая мысль. Скользя взглядом по палитре, я вдруг понял, что точка не обязательно должна быть красной. С тем же успехом она может быть желтой, зеленой или черной. Уж если я тот, кто, как пишут газеты, поставил точку в искусстве, то ей может быть присущ любой цвет.

Пожалуй, именно в это мгновение фортуна распахнула свои объятия, и мои картины с разноцветными точками разошлись по выставкам и коллекциям знатоков. Мало того, когда картин стало не хватать, их с успехом дополнили копии и репродукции. У меня появились подражатели. Подделки заполнили рынок. Трудность в определении фальшивок заключалась в том, что я уже и сам не помнил, сколько точек я нарисовал. Поверьте на слово, это совсем не простое занятие – отличить свою кляксу от чужой.

Я располнел, на полученные гонорары купил себе квартиру на центральном бульваре, у меня появилась собственная живописная школа, куда стояла целая очередь из недорослей, мечтающих стать столь же успешными творцами. Слава пришла ко мне. А однажды ночью колокольчик зазвонил у моей двери. Открыв ее, я не поверил своим глазам – распахнув кардиган и оставшись в дезабилье, передо мной стояла предводительница искусствоведов. Ее гигантский бюст вздымался от волнения. Прерывисто дыша и кусая губы, предводительница призналась мне в страстной, не терпящей отлагательств любви. Я был не столько ошарашен ее видом, хотя и не мог не заметить ее чудные лиловые панталоны, сколько требованием немедленного слияния в любовном экстазе. Впрочем, мое мнение не играло здесь решающего значения. Крепко взяв меня за руку, она твердой поступью прошла в спальню и бросила меня на кровать.

Дальнейшее я помню плохо. Вельгельмина – так звали пожилую критикессу – оказалась буйного нрава и неукротимого темперамента. Наутро она, оставив на время попытку задушить меня своим удивительным бюстом, потребовала, чтобы я встал к мольберту – она хотела присутствовать при акте творения. Пришлось поставить очередную точку на новом холсте. Вельгельмина была в восторге. Она решила остаться у меня жить и посвятить свое дальнейшее существование исследованию моего творческого «я». «Ставь точку!» – рычала она, стиснув зубы и едва сдерживая воздержание. Каким образом мне удалось отговорить ее поселиться у меня, я уже не помню. Кажется, я убедил Вельгельмину, что только в уединении раскрывается истинный талант художника. В тот раз ей пришлось уйти, но еще частенько по ночам она повторяла свои набег.

А город тем временем праздновал победу над искусством. Мои точки встречались на каждом шагу. Было такое ощущение, что именно точка стала символом и смыслом жизни моих сограждан. Поскольку всенародно был объявлен конец искусства, то из городского музея торжественно были выброшены все экспонаты, начиная от картин и кончая скульптурами. Произведения искусства сомнительного содержания (а таковыми были объявлены любые, кроме точки, изображения) изымались и триумфально, при стечении публики аннигилировались. Вельгельмина, как знаток искусства, а особенно его кончины, была выбрана главой города. Она тут же набрала себе целый штат младых искусствоведов, и набеги ее ко мне прекратились.

От меня требовали всё новых и новых точек. Я ужасно устал. Проклятые кляксы уже снились мне по ночам. Ученики в мастерской работали не покладая рук. Город покрылся моими пятнами. В каждом доме теперь висело по несколько плакатов с разноцветными точками. Семьи, которые не сделали это, считались неблагонадежными. Академия наук опубликовала ученый труд «Точка – конец всех начал». С жителями творилось что-то невероятное. Энтузиасты вышли с безумным предложением заменить буквы точками. Городской Совет сошел с ума и с восторгом откликнулся на их предложение.

Я перестал выходить на улицу. Более я не мог видеть ни точек, ни безумных людей. Я закрылся в своей мастерской, предварительно выкинув из нее все холсты с ненавистными пятнами. Если в начале моего затворничества какие-то почитатели еще ломались в мою дверь, то постепенно обо мне стали забывать. Видимо, жители города наконец и сами овладели нехитрым умением ставить кляксы. Говорили, что теперь каждый сознательный гражданин обязан поставить в день не менее десяти клякс. И не обязательно на бумаге. Однажды выглянув в окно, я увидел, что весь город усеян пятнами, как будто какой-то безумец расплескал краску и залил ею весь город.

Я стал настоящим затворником. В уединении я постарался забыть обо всем, что произошло. Это давалось с трудом. Меланхолия затягивала меня... Но однажды я проснулся вдруг среди ночи. Я не понимал, что разбудило меня. Внезапно мне ужасно захотелось подойти к мольберту и, в отличие от моих бесконечных клякс, действительно что-нибудь нарисовать. Я даже забыл, что не умею этого делать.

Я рисовал весь остаток ночи. Что-то произошло со мной. Не знаю, как мне это удалось. Но у меня получилось. Впервые в жизни. Я почти не спал. Это была настоящая абстрактная живопись. Конечно, моя линия была далека от Кандинского, но она жила, дышала, пульс ее бился. Я бредил цветом, его силой и оттенками. Не знаю, как, но в ту ночь я стал художником.

Я очнулся через неделю. Я создал восемь картин. Нет, не картин – полотно! Я должен был с кем-то поделиться. Это надо было кому-то показать. Скрутив холсты, я вышел на улицу. Не только дома, но тротуары и даже одежда людей была в разноцветных пятнах. У меня рябило в глазах. Люди были похожи на сомнамбул, которые в каком-то иступлении с кистями и краской в руках шли по городу, ища свободное место, чтобы поставить свою кляксу. Как будто всех охватила какая-то неведомая эпидемия, какой-то массовый психоз, словно диктующий им это безумное дело. Пробравшись сквозь эту толпу одержимых, я вошел в мэрию.

Под огромным плакатом «Конец искусства» сидел весь в пестрых пятнах маленький глазастый человек. Видимо, он был секретарем мэрии. «Итак? – спросил он, подняв бровь. – Цель прихода?» Честно говоря, я и сам не знал до конца цели своего прихода. Почему-то мне казалось, что, увидев мои холсты, все сразу поймут, кто я. Я едва успел развернуть первый из них, как чело-

век, сидящий передо мной, сморщился изо всех сил, как будто ему причинили ужасную боль, и, чтобы не закричать, даже зажал рот ладонью. Я подумал, что что-то случилось и уже хотел спросить его об этом, как он закричал: «Уберите! Немедленно уберите!»

Этот его вопль совсем сбил меня с толку, я скрутил обратно холсты и участливо спросил: «Что с вами?» Человек опять скривился и ткнул пальцем наверх в сторону плаката. «Вы что, ослепли? Что за гадость вы принесли!»

Я был обескуражен. «Но ведь это картины...» – начал я неуверенно. «Вон! – перебил он меня. – Немедленно вон!.. Или мы к вам применим дисциплинарные меры!» – завизжал он с такой силой и злобой, что мороз пробежал у меня по коже. Тут же на его крик выбежали двое пятнистых верзил с не менее пятнистой немецкой овчаркой. Я понял, что если я немедленно не регистрируюсь, дальнейшая судьба моя будет крайне печальна. Я стал отступать от них и, увидев справа от себя дверь, ведущую в какой-то коридор, быстро нырнул в нее.

Из дальнего конца коридора навстречу мне шла Вельгельмина с двумя пятнистыми помощниками.

«Ну вот, повезло!» – подумал я и бросился к ней навстречу.

«Смотри, смотри!» – закричал я, разворачивая перед ней холсты.

Она остановилась, с изумлением разглядывая их. Потом посмотрела на меня. В глазах ее стояли слезы.

«Господи, как это прекрасно», – прошептала она, обняв меня, потом обернулась к помощникам и сказала: «Вызывайте охрану».

Помощники выхватили из карманов свистки и засвистели в них изо всех сил. В конце коридора появилась овчарка. С глухим рычанием устремилась она ко мне. Не успев подобрать картины, опрометью бросился я к входной двери. Проклятая пятнистая тварь едва не догнала меня, успев лишь с досады лязгнуть зубами. Двое вельгельминовых помощников выскочили за мной из двери и плюнули мне вслед. Но я был уже далеко.

На следующий день в городе состоялся гражданский суд, где я был осужден заочно. После чего было изъято всё принадлежащее мне имущество и торжественно сожжено мое чучело.

Я бежал, оставив позади безумный этот город. Бежал в надежде обрести покой и место, где я мог бы отдаться цвету и линии. Где я мог бы... Но, увы, больше мне так и не удалось нарисовать ни одной картины.

